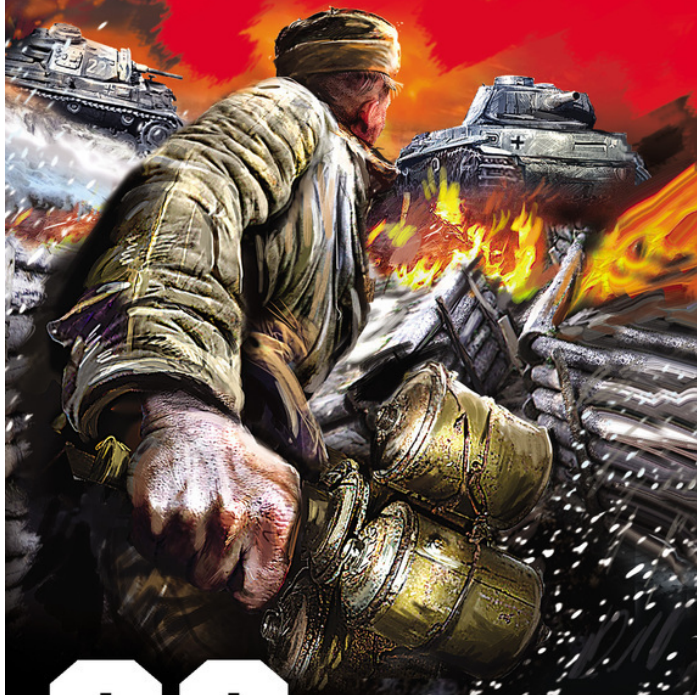

КИНОПРЕМЬЕРА ГОДА!

28

ВЛАДИМИР
ПЕРШАНИН

ПАНФИЛОВЦЕВ

Владимир Николаевич Першанин
28 панфиловцев. «Велика
Россия, а отступать
некуда – позади Москва!»
Серия «28 панфиловцев.
Кинопремьера года!»

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=13142381

*28 панфиловцев. «Велика Россия, а отступать некуда – позади Москва!» / Владимир Першанин: Яуза; Москва; 2015
ISBN 978-5-699-89471-0*

Аннотация

К премьере фильма «28 панфиловцев»! Первый правдивый роман о прославленном бое у разъезда Дубосеково, где бойцы дивизии И. В. Панфилова ценой собственных жизней остановили немецкие танки.

«Велика Россия, а отступать некуда – позади Москва!» – эти слова политрука Клочкова вошли в легенду. О героях-панфиловцах писали все газеты СССР. На их подвиге воспитывались поколения советских людей.

Но в последние годы выяснилось, что картина легендарного боя 16 ноября 1941 года была неполной и что на самом деле всё было куда страшнее и трагичнее, чем могли рассказать военные корреспонденты...

Этот роман восстанавливает подлинную историю подвига не только 28 панфиловцев, но всей 316-й дивизии, которая оказалась на острие главного удара Вермахта и, несмотря на огромные потери, не пропустила врага к Москве. Эта книга – земной поклон Советскому Солдату, стоявшему насмерть там, где выстоять было выше человеческих сил!

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	8
Глава 2	36
Глава 3	53
Глава 4	77
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Владимир Першанин 28 панфиловцев. «Велика Россия, а отступать некуда – позади Москва!»

Предисловие

16 ноября 1941 года у разъезда Дубосеково (в ста километрах от Москвы) 28 бойцов из дивизии генерала Панфилова И. В. в неравном бою оказали стойкое сопротивление немецким войскам, рвущимся к столице.

В ходе четырехчасового боя воины-панфиловцы под командованием младшего политрука Клочкова В. Г. уничтожили 18 танков противника, задержали продвижение немецких войск, что было крайне важно в создавшейся тяжелой обстановке на фронте.

Все 28 бойцов погибли, им посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза. На всю страну стали известны слова политрука Василия Клочкова: «Велика Россия, а отступать некуда: позади – Москва!»

Этот подвиг, как описывают его многочисленные книги о панфиловцах, стал одним из самых известных подвигов в го-

ды Великой Отечественной войны. Двадцать восемь павших героев, поле боя, где догорают немецкие танки и лежат десятки убитых вражеских солдат. Путь на Москву закончился для них возле неприметного железнодорожного разъезда.

После войны обнаружилось множество противоречий в описании этого боя. Вскрылся вымысел в изложении фактов военными корреспондентами, побывавшими на месте боевых действий после их окончания, некоторые материалы собирали поспешно, не вникая глубоко в ситуацию.

Выяснилось, что двое из 28 панфиловцев не погибли, а попали в плен. А один из них позже сотрудничал с немецкими властями. Все это стало предметом расследования Главной военной прокуратурой СССР.

Появились даже вопросы. А был ли подвиг?

Да, он был. О чем свидетельствуют документы, воспоминания оставшихся в живых бойцов, командиров и местных жителей. На месте того боя высится памятник 28 героям-панфиловцам, память о них жива.

Несмотря на неточное освещение отдельных эпизодов, стойкое сопротивление бойцов 316 й (позже 8 й гвардейской) дивизии, массовый героизм и самопожертвование нанесли противнику большой урон в живой силе и технике.

Находясь на острие главного удара, на Волоколамском направлении, дивизия не пропустила немцев к Москве.

Моя книга не претендует на историческое исследование. Это рассказ о бойцах дивизии генерала Ивана Васильевича

Панфилова, принявших на себя тяжелый удар в период битвы за Москву.

Солдаты Панфилова – так зачастую они себя называли.

Глава 1

Первый бой лейтенанта Краева

К середине сентября 1941 года разведывательно-штурмовые группы вермахта стали заметно осторожнее, приближаясь к передовым позициям советских частей. Несмотря на продолжавшееся наступление, захват новых городов, лихие прорывы первых недель войны ушли в прошлое.

Потери вермахта в людях и технике оказались гораздо значительнее, чем ожидалось. Сопротивление Красной армии росло, наносились встречные контрудары.

Командир немецкого штурмового взвода, получив сообщение о находившихся впереди русских окопах, не стал выдвигать имевшуюся у него бронетехнику. Приказал экипажу одного из мотоциклов обстрелять на ходу русские позиции и развернуться назад.

Ему было важно определить огневые точки русских, выяснить примерное количество артиллерии и минометов и лишь затем принять решение насчет дальнейших действий.

Массивный «цундапп» с пулеметом «МГ 34», установленным на коляске, полученное задание выполнил добросовестно. Очереди прошли вдоль линии окопов, смахивая брустверы. Ударили в глубину обороны, скашивая кустарник, где могли находиться пушки.

Расстреляв ленту, мотоциклисты развернулись, как было приказано, и, понаблюдав несколько минут, вернулись к своим.

Лейтенант Андрей Краев, командир стрелкового взвода, приказал ответный огонь не открывать. Для него эта встреча с немцами была первой, если не считать налета немецкой авиации на их эшелоны, когда дивизию перебрасывали из Казахстана на Северо-Западный фронт.

Андрею было двадцать три года, а военное училище он закончил летом сорокового. Это был полный двухгодичный курс пехотно-пулеметного училища довоенного образца, где будущих командиров Красной армии готовили основательно и крепко.

Его взвод находился впереди основных сил полка и нес боевое охранение. Еще с вечера Краев разметил полосу обороны и приказал окопаться. Как было принято в тот период, траншеи не рыли, каждый боец имел индивидуальный окоп.

Оборудовали командный пункт, гнезда для станкового пулемета «максим» и ручного «дегтярева». Ни артиллерии, ни минометов, которые пытались обнаружить немцы, во взводе не было.

Взвод прикрывал спешно окапывающийся первый батальон. Второй и третий, а также артиллерия полка находились на подходе. Неподалеку виднелся небольшой городок Боровичи, в котором горели после бомбежки дома.

Обстановка складывалась сложная. Полк, как и вся 316 я

дивизия, числился в резерве. После взятия немецкими войсками Новгорода, а следом города Чудово, войска группы «Север» упорно рвались вперед. Восточнее Новгорода шли ожесточенные бои.

Мелкие и крупные бронетанковые группы, как щупальца, тянулись по лесным дорогам, выискивая слабые места в обороне и пытаясь их прорвать. Наблюдатели доложили Краеву, что кроме четырех-пяти мотоциклов у немцев имеются танк, бронетранспортер, а поодаль остался грузовик, откуда высадились полтора десятка пехотинцев.

– Фрицев человек сорок наберется, – сказал сержант Иван Коржак, помощник командира взвода, рослый боец в туго перетянутой телогрейке. – А танк на бугор заполз, башней по сторонам крутит.

– Минометов не заметил?

– Выгрузили один. На краю перелеска окоп для него роют.

Лейтенант уже понял, что на их позиции вышел разведывательно-штурмовой взвод. Подразделение куда более сильное, чем его обычный стрелковый взвод, прибывший несколько недель назад из Казахстана, где формировалась 316 я стрелковая дивизия.

Бой начался внезапно. Краев не торопился его начинать, видя явное преимущество противника. Он отправил востового в батальон (связь провести не успели) и ждал команды, а лучше подмоги.

Немцы пустили в обход два мотоцикла с явной целью вы-

яснить, что за силы скапливаются на краю леса. Смотреть там особенно было нечего. Батальон, хоть и был полностью укомплектован людьми, но артиллерию обещали подвезти лишь к вечеру.

А это значило, что немецкий взвод, с его танком «Т-3», бронетранспортером, минометом и не меньше чем пятью-шестью пулеметами, мог не только прорвать оборону взвода (смять и уничтожить!), но и ударить по окапывающемуся батальону.

– Иван, бери ручной пулемет и человек шесть бойцов. Дуй наперерез мотоциклистам, – приказал лейтенант Ивану Коржаку.

Заметив движение на позициях, танк шевельнул стволом своей 50 миллиметровой пушки и дважды выстрелил в то место, где, по мнению немцев, мог находиться командный пункт.

Один снаряд взорвался перед окопами. Второй пронесся выше и врезался в осину, надломив дерево и выбив сноп древесного крошева. Пригибаясь, лейтенант поймал себя на мысли, что впервые слышит звук пролетающего немецкого снаряда.

Танк был недостижим для взвода. Пулеметом его не возьмешь, с гранатами не подберешься. Оставалось только ждать, что приблизится сам «панцер», и тогда попробовать подбить его.

Тем временем Иван Коржак с шестью бойцами бежали на-

перерез мотоциклам. Пока им помогала остаться незамеченными низина, поросшая кустарником. Ее пересекал ручей, возле которого оба «цундаппа» снизят скорость и наверняка остановятся.

Мотоциклистов было пятеро. Двое с пулеметом в головном «цундаппе» и трое – в замыкающем. Коржак бежал впереди с винтовкой, вслушиваясь в треск мотоциклетных моторов. Один вдруг заглох, и сержант обернулся к своим бойцам, сделав знак остановиться.

Двигатель второго «цундаппа» какое-то время молотил на холостых оборотах. Затем тоже замолчал. Наступила неожиданная, какая-то вязкая и недобрая тишина.

Все шестеро красноармейцев залегли, кто-то осторожно тянул вверх голову. Иван, прячась за осиной, следил за мотоциклистами. Один из них, с автоматом, настороженно осматривался по сторонам.

Остальные пытались перекатить через ручей тяжелый мотоцикл. Сделать это оказалось непросто. Хотя ручей был вору по колено, но мешал уступ на другом берегу.

Расстояние до немецких разведчиков составляло метров сто двадцать. Вступать с ними отсюда в бой было рискованно. Пулемет «МГ 34», установленный на мотоцикле, был дальнобойнее и сильнее, чем «дегтярев пехотный».

Но главная причина заключалась в другом. Отделение Коржака не имело боевого опыта. Сержант видел, что люди нервничают – наверняка стрельба будет неточной.

Кроме того, деревья и кусты заслоняли цель. Самым надежным выходом было приблизиться еще метров на семьдесят, ударить из «дегтярева» и пустить в ход гранаты. Терять время нельзя. Сейчас немцы возьмется у ручья, их внимание ослаблено – другого случая не представится.

Семь человек снова бежали, делая крюк. Неожиданно застучал автомат, срезая ветки. Непонятно, услышал их немец или дал очередь на всякий случай, опасаясь засады. Бежать дальше толпой было нельзя. Слишком много шума.

Четверо красноармейцев остались среди кустарника, откуда просматривалась слабо накатанная лесная колея: Коржак, пулеметчик Никита Швецов и его второй номер продолжали бег.

– Может, хватит? – прошептал, тяжело дыша, Швецов. – Услышат нас.

Коржак согласно кивнул. Винтовка висела на плече, сержант достал из-за пояса две «лимонки» и приготовил их к броску. Завелся двигатель мотоцикла, который немцы, наконец, перекатали через ручей.

Швецов пристраивал на поваленной березе свой «дегтярев», помощник приготовил гранаты и запасной диск. Но дальше все пошло совсем не так, как планировал Коржак.

Ударил короткая пристрелочная очередь «МГ 34». Затем немецкий «машингевер» заработал в полную силу. У него был рычащий, совсем непохожий на наши пулеметы звук. Он словно торопился опустошить ленту, а лесной сумрак про-

резали стремительные яркие трассеры.

Видимо, немцы заметили четырех бойцов, оставшихся на прогалине, и вели огонь по ним. В ответ захлопали винтовочные выстрелы, кто-то вскрикнул. Иван Коржак тоже не имел боевого опыта. Но в свое время прошел срочную службу, вернулся сержантом и, призванный вновь, действовал в сложной ситуации умело.

Довоенная служба и навыки бывалого солдата подсказывали ему, что его отделение спасет только быстрота и риск, на который надо идти. Коржак выскочил на дорогу. «Цундапп» стоял от него метрах в сорока. Пулемет посылал длинные очереди в сторону леса, водитель осматривался по сторонам.

Он увидел сержанта в тот момент, когда тот уже бросил гранаты. Водитель сделал движение, чтобы включить газ и вырваться из опасного места, но брошенные с секундной задержкой «Ф 1» взорвались одна за другой.

Гранаты не долетели до мотоцикла, однако осколки достали водителя, ранили его в лицо, ноги. Взревевший двигатель заглох, водитель повалился грудью на бензобак, шипела пробитая шина.

Пулеметчик в массивной каске мгновенно развернул свой «МГ 34», и Коржак невольно присел, понимая, что бросить третью гранату не успеет. Да и не спасет она его, если даже вложит ее точно в цель. Пулемет не опередишь!

Никита Швецов, небольшого роста, крепко сбитый, стре-

лял, торопясь выручить товарища. Сноп пламени из раструба «дегтярева» бился в метре от головы Коржака, он чувствовал, как обжигает кожу.

Теперь надо было бежать ко второму мотоциклу. На встречу застучали сразу два автомата. Помощник Швецова, выскочивший вперед, выронил приготовленную гранату и свалился на траву, пробитый несколькими пулями.

Иван Коржак каким-то чутьем угадал, что кольцо выдернуто и через секунды ударит взрыв. Граната «Ф 1», или «лимонка», как ее чаще называли, не обладала той мощностью, которую ей часто приписывали.

Рубчатый шестисотграммовый корпус при взрыве зачистую рассыпался мелким чугунным крошевом, но хватало и увесистых квадратных осколков, которые пробивали человека насквозь. Швецов в горячке не разглядел гранаты, которая наверняка достанет его.

– Никита, ложись! – отчаянно выкрикнул Коржак, который уже ничем не мог помочь товарищу, а лишь предупредить об опасности.

Однако Швецов, азартно добивавший диск, не среагировал. Такое случается в бою, когда человек не видит ничего, кроме своей цели. Взрыв выбил из рук пулемет и опрокинул Никиту на спину.

Коржак бросил наугад через кусты оставшуюся у него гранату. Подбежал к помощнику Швецова. Из протертой шинели в четырех-пяти местах торчали клочья пулевых отвер-

ствий, под телом натекла густая лужа крови. Спасти парня было уже нельзя.

Подхватил на плечи раненого пулеметчика, потащил его прочь. Подоспели ребята из отделения, помогли. Один поднял было смятый осколками пулемет, но едва не угодил под автоматную очередь.

Бросив его, кинулся догонять остальных. Вслед неслись автоматные трассы, но преследовать группу немцы не рисковали. Прорваться в тыл к русским немецкой разведке не удалось. Один мотоцикл был выведен из строя, пулеметчик убит, а тяжело раненный мотоциклист требовал срочной помощи.

Как только в лесу послышалась стрельба, сразу открыли огонь немецкие пулеметы. Зазвенела, набирая высоту, 80 миллиметровая мина, замерла в высшей точке, а затем со свистом обрушилась вниз.

Большинство красноармейцев впервые слышали выстрел немецкого миномета. Оружия, которое будет в течение всей войны наносить самые большие потери, доставая людей в окопах и укрытиях.

При солнечном свете не видна короткая вспышка. Мина взрывается, едва касаясь земли, воронка часто совсем не глубокая. Столб пыли, мелко раскрошенной земли – вроде не страшно. Но веером разлетаются во все стороны с огромной скоростью осколки. Мелкие и крупные, с загнутыми остры-

ми краями, наносящие тяжелые рваные раны.

Первые взрывы не достигали цели. Они сносили брустверы окопов, срезали траву и ветки деревьев. Затем расчет пристрелялся.

Мина весом три с половиной килограмма рванула на краю окопа, оглушив бойца, сжавшегося в комок на дне ячейки. Его спасло, что лейтенант приучил своих людей рыть окопы на совесть, достаточно глубокие.

Окоп частично завалило, осколки разбили винтовку. Бойцу в соседнем окопе не повезло. Мины с воем летели одна за другой, и какая-то из них влетела в узкий окоп. Красноармеец не успел ничего почувствовать, тело разорвало и вмяло в земляные стенки, но смерть товарища почувствовали другие бойцы.

– Мишка, отзовись! Живой?

– Кажись, прямо в окоп мина угодила.

– Отбегался Мишка...

Кто-то высунулся наружу и едва не угодил под очередной взрыв. Красноармеец нырнул вниз и, сняв каску, рассматривал пробитую верхушку.

У другого от непрерывного свиста и грохота не выдержали нервы. Он с руганью выпустил несколько пуль.

– Ловите, твари!

Андрей Краев насчитал три десятка взрывов. На долгую стрельбу боеприпасов у штурмового взвода вряд ли хватит. Немцы действительно вскоре прекратили минометный

огонь, но ударили два или три пулемета. И сразу замелькали фигуры атакующих.

Они не бежали цепью, как учили Краева и его бойцов. Силуэты в серо-голубых шинелях поднимались, делали короткую перебежку и снова исчезали, уступая место другой группе. Продвигались они быстро, поймать на мушку мелькавшие фигуры было непросто.

Их поддерживал легкий бронетранспортер «ганомаг» с пулеметной установкой над кабиной. У него был длинный суженный капот, гусеничный ход и два колеса впереди.

Лейтенант понял, что он непростительно медлит, а бойцы оглушены взрывами мин и пулеметным огнем. Он выбрался из окопа и выкрикнул давно заученную в училище команду:

– Взвод, огонь!

Сам дважды выстрелил из винтовки и побежал к пулеметному гнезду, где расчет торопливо устанавливал «максим», заправлял ленту.

– Чего медлите?

Командир расчета, опытный сержант, уже наводил «максим». У тяжелого устаревшего пулемета был точный бой, пули шли густо и кучно. Атака замедлилась. Взвод вел беглый огонь из винтовок. Поддерживая друг друга, бойцы кричали немцам:

– Ну что, нарвались, гады?

– Целься в лоб! – советовал кому-то молодой красноармеец, хотя сам посылал пули, не целясь.

Пулеметчики сумели убить или ранить кого-то из атакующих. В ответ получили одну и другую очередь из «МГ 34» за щитком «ганомага». Второй номер расчета выпустил из рук ленту и зажал лицо руками. Между пальцами текла кровь. Еще несколько пуль звякнули о щит «максима», оставив глубокие вмятины.

В окоп к лейтенанту прыгнул Иван Коржак. Коротко рассказал, что произошло.

– Пулеметчика Швецова ранило осколками, но не сильно. Пулемет спас, прикрыл его немного. А помощника наповал. Еще одного бойца легко ранили, но разведку мы отогнали. Гансы мотоцикл возле ручья оставили, весь в дырках.

– «Дегтярь» потеряли?

– Казенник смяло, вышел из строя.

– Хреново. Один «максим» остался. Второй номер тяжело ранен. Надо что-то делать.

– В контратаку? – вопросительно глянул на Краева сержант.

– Не получится. Пулеметы сильный огонь ведут. И еще этот чертов танк. Выжидает, вперед не лезет, может, думает, у нас артиллерия имеется. Я уже отделение гранатометчиков предупредил. Они наготове, только много ли нашими «РПГ» навоюешь?

– Глянь, что делают, гады? – показал на бронетранспортер Коржак. – Ломится, как к себе домой.

«Ганомаг» приблизился еще метров на пятьдесят и сыпал

частыми очередями с крыши кабины. Стрельба из окопов стала заметно реже, замолк «максим». Кажется, в него угодила трасса из «МГ 34».

– Вот черт! Иван, добеги узнай, что там у пулеметчиков.

Вернулся связной, посланный с сообщением к командиру роты. С собой привел пять бойцов, обвешанных гранатами. Один из них нес ящик патронов на плече. Тяжело дыша от быстрой ходьбы, связной доложил:

– Товарищ Лимарев пять человек в помощь прислали, противотанковые гранаты и тысячу винтовочных патронов. Велели доложить, как складывается обстановка.

Снова заработал «максим», а через пару минут прибежал Коржак.

– Отдохнуть пулеметчики решили, – сказал он, не скрывая злости. – Бронетранспортер их сильно донимает. Весь щит во вмятинах. Я им приказал бронебойных патронов зарядить побольше и хорошо врезать по фрицу. «Максим» не слабее ихнего «МГ 34».

Заметил связного, удивился:

– Ты чего так долго шатался? Вздремнул, что ли, по дороге?

– Никак нет, товарищ сержант. Немцы сильный огонь вели, кое-где ползти пришлось.

– Лимарев требует доложить обстановку, – буркнул лейтенант. – Опять парня под пули посылать?

Красноармеец вздохнул, опустил голову. Снова лезть под

огонь пулеметов он боялся. Один раз повезло, а во второй точно накроют. Краев успокоил бойца:

– Не переживай, никуда я тебя посылать не буду. Захочет Лимарев, сам придет. Нам не о докладах думать, а как сильнее по фрицам ударить. Сидеть будем, выбьют взвод к чертовой бабушке. А от Лимарева помощь аж пять бойцов. Вот спасибо!

Коржак понимал ситуацию. У энергичного и грамотного лейтенанта Краева не складывались отношения с ротным. Тот был призван из запаса и считал, что лейтенант его подсиживает, показывает, где не надо, свою грамотность. На совещаниях не упускал случая поддеть Краева и настраивал против него комбата.

В стороне шла стрельба, гулко ухали мины.

– Чего там? – спросил у связного Краев. – Тоже бой идет?

– Второй батальон на марше перехватили. По слухам, небольшая группа. Но у них артиллерия с собой, отбиваются.

– Почему сразу не доложил?

– Так не до этого было, – виновато пожал плечами связной. – Нас самих так огнем прижали, что едва выбрались.

Тем временем командир расчета послал из «максима» точную очередь в приблизившийся «ганомаг». Пробить броню не удалось, но сержант вложил несколько бронебойно-трассирующих пуль под переднее крыло, где находились рулевые тяги.

Брызнул сноп искр, «ганомаг» вильнул, машина спешно

ушла под прикрытие деревьев. Открыл огонь танк, взрыв разметал бруствер соседнего окопа и сильно контузил бойца.

— Высиживать нечего, — злясь на самого себя, резко заявил Андрей Краев. — Бойцов одного за другим теряем. Надо атаковать. И не в лоб, а с флангов. Я сам людей поведу.

— Могу и я, — сказал Коржак.

Особого желания снова лезть под пули он не испытывал. Уже сходил, едва ноги унес. Тем более Коржак был женат, имел ребенка, ждали второго. Уходя, он обещал жене вернуться живым с этой войны, которой не видно ни конца ни края.

Сержант понимал не хуже своего командира, что их взвод, лишенный артиллерийского прикрытия, могут спасти только активные действия. А они повлекут за собой новые потери. Но и другого выхода не оставалось.

Лейтенант и два десятка красноармейцев такими же быстрыми перебежками сближались с атакующими. Столкнулись едва не в лоб в низине среди редких осин с опадающей листвой.

Обе стороны были готовы к бою. В первые же минуты погибли и были ранены сразу несколько человек. Андрей, прошедший хорошую школу штыкового боя, которому всегда уделяли немалое значение в военных училищах, заколол точным выпадом унтер-офицера.

Своих красноармейцев он тоже кое-чему успел научить.

Тимофей Савенко, спортсмен, ловкий и быстрый в движениях, ударил штыком в живот рослого солдата. Выдернул лезвие и схватился с другим немцем.

Казах Тимур Машеткулов из Алма-Аты (где формировалась 316 я дивизия) ударил штыком автоматчика. Но тот хоть и был ранен, успел нажать на спуск и прошил Тимура очередью.

В этом бою немцам помогали автоматы, которыми были вооружены не менее половины атакующих. Они пятились от штыков и стреляли в упор. Наступил момент, когда начали отступать бойцы Краева.

У некоторых не выдержали нервы, когда они увидели, как автоматы буквально скосили передовую группу. Наверное, немцы одержали бы в этой схватке верх. Но их подвели два обстоятельства.

Рукопашный бой завязался со всей жестокостью. У немцев тоже не выдерживали нервы при виде узких четырехгранных штыков, вонзающихся в тела их камрадов. Они буквально опустошали магазины длинными очередями, чтобы уйти от смертельных ударов.

Вдруг наступил момент, когда сразу у нескольких солдат опустели магазины, их требовалось перезарядить. Краев понял, что сейчас медлить нельзя.

Штык его винтовки погнулся. Андрей выхватил из кобуры пистолет «ТТ», полученный еще в училище, и несколькими выстрелами уложил заместителя командира немецкого

взвода, обер-фельдфебеля.

– Ребята, вперед! – кричал лейтенант. – Кто там пятится?

Расстрелял остаток обоймы, вставил новую. Немцы отходили, прикрывая друг друга огнем. Но отступали и бойцы Краева. Прямо на них шел танк, который до последнего держали в резерве.

Это был средний танк «Т 3». Громадина по меркам сорок первого года. Массой двадцать тонн, с усиленной броней, 50 миллиметровой пушкой и двумя пулеметами.

Следом за ним поднялся в новую атаку уже весь немецкий штурмовой взвод. Непонятно, почему командир взвода сразу не использовал свою главную ударную силу. Скорее всего опасался противотанковых пушек. Возможно, уже обжигался, бросая в атаку всю свою технику и людей.

Сейчас, убедившись, что артиллерии у русских нет, наступал решительно. «Т 3» вел огонь из пушки и пулеметов, снова выполз бронетранспортер, активно поддерживали атаку мотоциклисты.

Один из них неосторожно подставился под очереди «максима». Тяжелый, устаревший пулемет обладал ценным качеством – высокой кучностью стрельбы, особенно в опытных руках.

Немецкий пулеметчик дернулся и выпустил рукоятку «МГ 34». Водитель круто развернул «цундапп», уходя от огня, но его догнала следующая очередь, и мотоцикл загорелся.

Водитель пытался вытащить раненого камрада, но язык пламени хлестнул его в лицо. Он отшатнулся, сделал один, другой шаг, прикрывая обожженное лицо руками.

Пулеметчик кое-как выбрался из коляски. Пуля из трехлинейки догнала и опрокинула его на землю. Взорвался бензобак, и мотоцикл превратился в горящую грудку металла, где, треща, детонировали пулеметные патроны. Затем взорвались сразу несколько гранат, разорвав коляску по швам.

Танк наехал на пулеметное гнездо, раздавил «максим» и повернулся всей массой, вминая обломки и тела людей в землю.

Из соседних окопов вылетели две гранаты. Швыряли их наспех, под огнем, обе взорвались, не долетев до цели.

У некоторых бойцов имелись бутылки с горючей смесью. Обращаться с ними толком не умели, да и брали неохотно. Все знали, что случайно разбитая бутылка сожжет человека живьем и спасения от этого липкого пламени нет.

Летом и осенью сорок первого года единственным противотанковым оружием в советской пехоте являлись гранаты и бутылки с горючей смесью. По приказу Сталина еще в июле в ротах и батальонах были созданы специальные команды «истребителей танков».

В связи с быстрым отступлением наших войск эти команды просто не успевали готовить, да и надеялись больше на артиллерию.

В дивизии Панфилова еще в период формирования «истре-

бители танков» прошли краткую учебу. Здесь, на Северо-Западном фронте, пока стояли в резерве, тоже тренировались, хотя использовались в основном учебные деревянные гранаты.

Лейтенант Краев, предчувствуя характер будущих боев, тренировал своих бойцов всерьез, даже выпросил несколько боевых гранат, которые швыряли в макеты немецких танков. Макеты разносило на куски, но как все будет происходить в настоящем бою, предсказать было трудно.

Эта подготовка была несовершенной. Гранатами и бутылками с «горючкой» танк одолеть трудно. Особенно на открытой местности, где, кроме окопов, нет никаких укрытий. Высунешься – словишь очередь, а промедлишь – тебя раздавит танк.

Но в самый напряженный момент боя навыки, полученные за время тренировок, сыграли свою роль.

Иван Коржак швырнул увесистую «РПГ 40». Бросать из узкого окопа гранату весом более килограмма было не только неподручно, но и опасно.

Поставленная на боевой взвод, она могла взорваться даже при легком толчке или задев за куст. Приходилось подниматься едва не до пояса, чтобы сделать нормальный бросок, хотя бы на полтора десятка метров.

Несмотря на большую физическую силу сержанта, граната не долетела до танка двух-трех метров и взорвалась с оглушительным грохотом. «Панцер», как пришпоренный,

дал полный газ и свернул в сторону – идти на окоп отчаянного русского командир машины не рискнул.

Опустив до предела пушку, выстрелил, следом заработал пулемет. Ячейка Ивана Коржака была в «мертвом пространстве», очереди летели слишком высоко. Но экипаж «Т 3» по опыту знал, что русские не выдержат и начнут выскакивать наружу, пытаясь спастись.

Действительно, выскочил один, второй боец. Но третий бросил бутылку с горючей смесью, которая разбилась о бортовую броню.

Липкое дымное пламя не могло причинить большого вреда. Горючая смесь была опасна, когда проникала сквозь решетки жалюзи в двигатель. Но и сейчас экипаж почувствовал себя неудобно.

Гусеницы растащили горящую жидкость по всей длине машины, дым проникал в смотровые щели. От жара лопнул и загорелся металлический ящик с инструментом, ветошью и смазочным маслом.

Наводчик удачным выстрелом разнес окоп, откуда вместе с комьями земли вылетели куски человеческого тела и сплюснутая каска. Из другого окопа красноармеец попытался бросить гранату, но толчок выбил ее из рук, и она взорвалась за бруствером.

Андрей Краев забежал сбоку, но близко к танку его не подпустили автоматчики, ведущие беглый огонь. Бутылка разбилась о камень, пламя выплеснулось на землю, лизнуло

гусеницы.

– Уходим, пока нас не прикончили, – приказал командир «Т 3», – здесь змеиное гнездо из фанатиков.

Как и весь экипаж, он носил на черных петлицах устрашающую эмблему – человеческий череп, знак презрения к смерти. Но сгореть заживо среди русских окопов не хотел.

– Вырвемся отсюда и расстреляем гадюшник с бугра, – заявил наводчик.

Увидев, что танк спешно отступает, вслед полетели новые гранаты. Ощутимо дернулась гусеница, о броню лязгали осколки.

Командир танка, двадцатилетний лейтенант, имел достаточный опыт, не боялся рисковать, а в России воевал с первых дней войны. Он уже сменил один танк. Под Смоленском его прежний «Т 3» влез в гущу обороны. Он неплохо поработал со своим экипажем, раздавил две пушки вместе с расчетами и перебил из пулеметов едва не половину отступающей русской роты.

Было весело. Но два танка, и его в том числе, нарвались на засаду. Что случилось с другим экипажем, лейтенант не видел. Его собственный танк взорвался на mine. Удар был такой силы, что из носа и ушей потекла кровь, а выбраться из горящей машины ему помогли наводчик и заряжающий.

Затем в их сторону полетели ручные гранаты, и лейтенант едва сумел выбраться. Месяц пролежал в госпитале, залечивая ожоги, и вот снова старуха с косой совсем рядом.

Танк отступал, отстреливаясь из пулеметов. С разных сторон летели винтовочные пули, ощутимо били о броню возле смотровых щелей, а дым от горящего «коктейля Молотова» заставил приоткрыть люки.

Возможно, «Т 3» с его пушкой и двумя пулеметами, отойдя метров на двести, мог бы переломить ход боя интенсивным огнем. Но лейтенант, командир штурмового взвода, поторопился и лично возглавил атаку.

Его было трудно не заметить. В офицерской, хорошо сшитой форме с серебристыми погонами и ярким распластанным орлом. Лейтенант перехватил поудобнее автомат и дал команду атаковать, одновременно делая знак танкистам, чтобы они прекратили пятиться назад.

Ему явно не хватало опыта в таких самостоятельных операциях. Он не нанес удар сразу имеющимися у него силами, а теперь все катилось помимо его воли. Поднявшись в рост, он сразу превратился в мишень.

В лейтенанта выстрелили двое или трое. Стрелял и Андрей Краев. Все отчетливо слышали удар пули о человеческое тело, из пробитой выше колена ноги брызнула кровь.

Лейтенанта подхватили и унесли в безопасное место. Танкисты, отогнав танк за деревья, сбивали огонь, который упрямо лизал гусеницы и прилипал к саперным лопатам.

– Не дай бог в эту смесь вляпаешься, – бормотал наводчик. – Сожжет до костей.

О том, чтобы снова затеять стрельбу, наводчик не думал.

Командир взвода был тяжело ранен, командир танка угрюмо курил. Мимо пронесли двоих тяжелораненых. Один дергался и вскрикивал. Второй лежал молча, а сквозь парусину медицинских носилок клейкими каплями сочилась кровь.

Минометчики добивали остаток боезапаса. Из окопов русские бегло вели винтовочный огонь. Выкопать надежное укрытие минометный расчет не успел, надеясь на успех атаки. Пуля звякнула о ствол и ушла рикошетом. Подносчик, спешивший с лотком мин, вскрикнул и выронил лоток. Пуля пробила локоть.

Бой понемногу затихал.

Трудно было описать состояние Андрея Дмитриевича Краева, когда он обходил окопы, разговаривал с людьми, помогал перевязывать раненых. Он был словно не в себе, с трудом воспринимая происходящее.

Пальцы мелко тряслись. Лейтенант боялся, что это заметят окружающие, подумают, что его не отпускает страх. Это были последствия первого боя, который надолго остается в памяти любого солдата во всех мелочах. Особенно когда впервые убил врага.

Он провел этот бой, отбил атаки. Можно сказать, одержал небольшую победу. И в то же время вспоминал моменты, когда на него накатывал страх.

Когда летели, взрывались одна за другой мины, и окоп не казался надежным укрытием. Одна из мин рванула глухо.

Андрей понял, что она влетела в чей-то окоп и человек не просто убит, а разорван, расплющен. И лейтенант невольно представил в том окопе себя.

Сейчас, после боя, он заставил себя подойти, посмотреть на то, что осталось от его бойца, и приказал похоронить убитого в этом же окопе.

– Винтовку достаньте, – зачем-то приказал он, хотя трехлинейка никуда не годилась.

А про документы забыл. Вспомнил, когда бойцы уже засыпали окоп, нагребли небольшой холмик и вместо памятника положили сверху каску, принадлежавшую погибшему.

Коржак сказал:

– Бог с ними, с документами. У меня все данные в тетрадке записаны. И адрес семьи тоже.

Страшным моментом в бою была та минута, когда Краев никак не мог выдернуть застрявший между ребер немецкого солдата штык. У него было широкое лицо, усеянное рыжими крапинками, глаза широко раскрыты. Наверное, немец уже был мертв, удар пришелся в левую сторону груди.

Это был второй убитый им немец (фашист!), а когда Андрей, наконец, выдернул штык, он был погнут, никуда не годился, а на Краева набегал еще один немецкий солдат, вернее, обер-фельдфебель.

Непонятно, как он успел выхватить «ТТ», время словно замедлилось, а фельдфебель был вооружен автоматом, но почему-то не выстрелил.

– Магазин у него пустой был, – сказал сержант Савенко. – Возьмете трофей, товарищ лейтенант?

Наверное, Савенко сам был не против взять небольшой прикладистый «МП 40», но Краев кивнул:

– Возьму. С винтовкой несподручно бегать. Автомат как раз будет.

– Вот еще три магазина к нему. А ствол короткий. Задирает, наверное, при стрельбе.

– Ничего, разберусь. Короткими очередями надо бить.

Сержант вздохнул и спросил:

– Я зажигалку заберу. Не против?

– Бери, у меня есть.

И хорошие часы фельдфебеля Андрей отдал Тимофею Савенко. У Краева были часы, попроще, «кировские», но точные. А Тимофей все же командир отделения.

Были и другие моменты, но сейчас их некогда было вспоминать. Краев не ожидал, что будут такие потери. Девять человек погибли и четырнадцать тяжело ранены. Из батальона прислали фельдшера, медсестру и несколько санитаров.

И раненые были не те, что приходилось видеть лейтенанту в фильмах о Гражданской войне: с аккуратными повязками, усталыми улыбками, не страдающие от боли.

Здесь было по-другому. Казалось, что раненых не четырнадцать, а гораздо больше. В голову приходили слова, за которые Андрею становилось стыдно в душе.

Это была стонущая, что-то бессвязно бормотавшая груда

окровавленных шевелящихся тел. Некоторые были перевязаны от пояса и до шеи, у других бинты полностью закрывали лица. У одного не было даже щелей для глаз, и он выкрикивал:

– Глаза... глаза мне откройте.

Полез срывать повязку. Навалившись, ему скрутили руки. Уговаривали:

– Потерпи до санбата.

У другого была оторвана до половины голени нога. Обрубок мелко подергивался, а красноармеец обливался крупными каплями пота. Небольшого роста боец лежал отдельно. Тело было неестественно вывернуто, он смотрел в небо, изредка моргая.

Санитары торопливо грузили раненых на повозки. Фельдшер поймал лейтенанта за руку:

– Снимай гимнастерку, кровь у тебя. Надо бы глянуть.

– Позже. Вон того бойца осмотрите.

– Чего его глядеть? Раздавило танком в окопе. Хорошо хоть без мучений отходит.

Оказалось, что немец все же достал Андрея штыком. Пропорол кожу на боку. Обработав рану, фельдшер позвал медсестру:

– Настюха, перевяжи кавалера и укол от столбняка сделай.

Настя, рыжая девушка лет девятнадцати, оглядев рану, слегка толкнула Андрея.

– Сядь, что ли. Лежа я тебя не перевяжу.

– Лежа только другими делами заниматься, – засмеялся появившийся Коржак. – Давай помогу, Андрей.

Лейтенант только сейчас почувствовал, что кружится голова и подступает слабость. Медсестра накладывала повязку поперек груди. Андрей видел ее зеленые глаза и красиво очерченные губы. Сестра перехватила его взгляд, усмехнулась:

– Повезло вам, товарищ лейтенант. Штык вскользь прошел.

– Успел удар отбить.

– Геройский командир!

– Ладно, заканчивай. Для остальных свой бинт побереги.

– Самолюбивый...

– Понравились вы ему, – снова влез Коржак. – А как сказать, не знает.

– Вы тут за любую юбку готовы хвататься. И все неженатые.

– Почему все? Андрюха Краев точно не женат. Имейте в виду.

Вмешался фельдшер, поторопил медсестру. Настя снова перехватила взгляд лейтенанта, усмехнулась краешком губ.

– Все, воюйте дальше. А лучше отдохните с денек. Гимнастерку смените, вся в крови.

И поднявшись, пошла к фельдшеру. Форменная юбка туго обтягивала бедра, и уходила она не спеша, словно давая возможность лейтенанту глянуть ей вслед и оценить строй-

ную фигуру.

Глава 2

Война и любовь

По штатам того периода численность стрелковых рот 316 й дивизии составляла 160 бойцов и командиров. Взвод Андрея Краева до боя насчитывал сорок с небольшим человек.

Кроме того, командир роты выделил лейтенанту станковый пулемет «максим» с расчетом и позже, во время боя, еще пять красноармейцев.

Артиллерии и пулеметов не хватало, тем более дивизия временно числилась в резерве. Во взводе Краева имелся всего лишь один ручной пулемет Дегтярева. Автоматов не было вообще.

Если оценивать соотношение сил, то можно было понять, с каким напряжением и упорством лейтенант вместе со своими бойцами сумел отбить атаку механизированного штурмового взвода. Имея для борьбы против бронетехники лишь гранаты и небольшое количество бутылок с зажигательной смесью.

Однако победа обошлась дорого. В строю остались двадцать пять человек, включая легкораненых. Похоронили в братской могиле одиннадцать бойцов (двое умерли в первый час после боя). Пришел командир роты старший лейтенант Юрий Лимарев. Ходил между окопами, наблюдал, как зака-

пывают погибших.

Когда ударили три прощальных залпа, старший лейтенант поморщился.

– Без лишнего шума нельзя обойтись?

– Нельзя, – огрызнулся Краев.

Затем Лимарев осмотрел трофейный мотоцикл. Он был так продырявлен осколками, что никуда не годился. Удивительно, что не сгорел. Разбитый «максим» тоже восстановлению не подлежал.

– Единственный станковый пулемет в роте, – с досадой проговорил старший лейтенант. – А танк подбить не удалось?

– Не удалось... не смогли. Так вот мы воевали, – сорвался Краев. – Больше половины взвода убиты или тяжело ранены. Пулеметов не осталось. Штыками отбиваться будем, патროнов бы только подбросить.

– Ты чего психуешь? – оглядел лейтенанта ротный командир Юрий Федотович Лимарев.

Плотный, со щеточкой усов и медалью «20 лет РККА» на груди, он обвел руками изрытые воронками позиции:

– На открытом месте встал. Потому и такие потери.

– В лесу надо было прятаться?

Лимарев промолчал, затем с запозданием спросил:

– Какие потери немцам нанес? Я всего шесть убитых видел. Это все?

– Уничтожили не меньше десятка. Плюс раненные. Осталь-

ных фрицы под прикрытием танка унесли.

– Гляжу, трофейными автоматами обзавелись.

– Всего две «МП 40» и магазинов с десятков.

– Вообще-то трофейное оружие сдавать положено, – заметил старший лейтенант.

– Винтовки «маузер» берите. Три штуки досталось. Автоматы я во взводе пока оставляю, пусть комбат решает. Людей не подбросите, товарищ старший лейтенант?

– Я тебе восемь человек выделил. Больше нет возможности.

Нервозность в разговоре обоих командиров можно было объяснить сложной обстановкой на фронте. Шли непрерывные тяжелые бои восточнее Новгорода, взятого немцами 19 августа. Имелся приказ вернуть город, но техническое превосходство немецких войск не позволяло выполнить его.

Хотя дивизия числилась в резерве, наступающие части вермахта то в одном, то в другом месте делали попытки прорвать фронт.

Вступали в бой подразделения дивизии, хотя тяжелого вооружения не хватало. Танки, артиллерия и минометы шли в передовые полки первой линии.

В тот день немцы больше не наступали. Установилось временное затишье. На закате командир батальона капитан Суханов в сопровождении ротного Лимарева и лейтенанта Краева обошел позиции взвода.

Многочисленные воронки, смятые окопы, следы танко-

вых гусениц говорили о том, что Краеву и его людям пришлось тяжело.

– Танки, выходит, прорвались на позиции? – спросил он.

– Танк был один, «Т 3», – ответил Андрей. – Нечем его было остановить. А когда в гуще обороны оказался, подожгли его бутылками с «КС».

– И где же он?

– Отступил. Фрицы огонь потушили.

– Это называется не подожгли, а напугали, – усмехнулся Суханов.

– Точно, – засмеялся ротный Лимарев.

– Напугали и заставили удрать, – упрямо гнул свое Андрей Краев. – Иначе он бы весь взвод прикончил.

– А противотанковые гранаты? – спросил комбат.

– Не очень они эффективны, – откровенно признался Краев. – Надо точно в гусеницу попасть или в жалюзи. А танк на месте не стоит, рвется напролом и огонь ведет такой, что не высунешься.

– Это что, весь оставшийся взвод?

Людей стало меньше. Легкораненых пришлось отправить в санчасть, так как начали воспаляться раны. Некоторые жаловались на контузии. Их можно было понять. Если есть возможность отдохнуть после такого боя, то лучше воспользоваться возможностью.

– Сколько есть, – пожал плечами Лимарев. – Я и так восемь человек Краеву передал.

– Передай еще двадцать. Его взвод на острие стоит. Хотите, чтобы немцы его одним махом снесли и смяли весь полк?

Андрей не скрывал, что доволен этим решением. Комбат коротко расспросил его о результатах боя.

– Значит, два мотоцикла из строя вывели?

– Так точно, товарищ капитан, – кивнул Андрей. – Один вон сгоревший стоит, а другой, может, восстановим, если время будет. Жаль, что танк сумел уйти. Он хорошо горел, фрицы как ошпаренные вырвались. Думаю, на ремонт его отправили.

– Ну ты молодец, лейтенант, – доставая папиросы, весело проговорил Суханов. – Не растерялся, отпор дал. Закуривай «Беломор».

– Спасибо, товарищ капитан, – прикуривая папиросу, сказал Краев. – Только хвалиться особенно нечем. Двенадцать бойцов погибли, да раненых сколько. Во взводе ни одного пулемета не осталось. Если бы у немцев хотя бы два танка были, вряд ли бы отбились. Артиллерии нет, а против «Т 3» гранаты – слабоватое оружие.

– Что, такая уж страшная машина? – насмешливо спросил комбат.

– Не так уж, – смутился Андрей. – Но машина сильная. Крепкие нервы нужны, чтобы ее подпустить и в упор гранатами или бутылками с горючкой.

На обратном пути Лимарев жаловался, что его роту практически разделили на две части. Людей не хватает, не говоря

об артиллерии и пулеметах.

– Ничего, справитесь, – рассеянно кивал комбат Суханов.

У него было много других проблем. Слишком долго подтягивалась артиллерия, а с утра, по данным разведки, немцы могли нанести удар с фланга. Пошел мелкий дождь, в темноте шумели вершины сосен. Восточнее светился сполохами край неба над лесом. Там продолжалась артиллерийская канонада.

Немцы не слишком любили воевать ночью. Однако наступление на Москву выбилось из всех графиков, и удары наносились постоянно.

В эти сентябрьские дни Гитлером и генералитетом вермахта был одобрен разработанный план предстоящей операции «Тайфун». Звучное название предполагало, что группа армий «Центр», подобно тайфуну, сметет советскую оборону и захватит Москву.

После этого война, наконец, должна была закончиться полной победой еще до наступления зимы.

У командира стрелкового взвода Андрея Краева были более скромные планы. Он получил двадцать человек пополнения и два пулемета Дегтярева. Люди всю ночь копали окопы и отсечные ходы.

А утром настроение поднялось еще больше. Немцы на их участке больше не лезли. Лейтенант сходил в полковую санчасть и попросился на перевязку к медсестре Насте Ютовой.

– Чего-то рана разболелась, – жаловался он, с трудом

скрывая улыбку.

— А радуешься чему? — спросила его младший сержант медицинской службы.

— Да так... увиделись вот.

— Увиделись, — согласилась девушка. — Быстро ты меня отыскал. Снимай гимнастерку, глянем, будешь жить или нет.

— Буду, — улыбался лейтенант. — А вечером еще приду.

— Ну-ну, — пожала плечами медсестра.

Баловать улыбками всех пациентов красивая медсестра не торопилась. Но и говорить «нет» крепко сбитому, шустрому лейтенанту тоже не спешила.

Последующие несколько дней прошли в относительном затишье. Полк зарывался в осеннюю землю, углубляя окопы, ходы сообщения. Взвод лейтенанта Краева по-прежнему находился в боевом охранении.

Однажды утром на пароконной упряжке привезли противотанковую 45 миллиметровую пушку. Старший сержант доложил:

— Артиллерийский расчет прибыл для отражения атак вражеских танков. В наличии шесть бойцов, две лошади. Боеспас пятьдесят снарядов. Командир расчета, старший сержант Семенюк.

Красноармейцы с любопытством обступили приземистую пушку с тонким стволом. Особого впечатления она не производила, а ствол вообще казался почти игрушечным.

– Мелковата твоя пушка, – оглядев «сорокапятку» со всех сторон, заметил Иван Коржак. – В кого ты из нее стрелять собрался?

– Не в кого, а во что, – с достоинством ответил скуластый старший сержант лет тридцати пяти. – Орудие предназначено для уничтожения немецкой бронетехники. Кстати, тебя субординации не учили? Лезешь вперед своего командира и по уставу обращаться не научился.

– Может, устав вы лучше меня знаете, – подковырнул артиллериста сержант Коржак. – Но пока вы свою мандулину везли, мы немецкий танк бутылками с горючкой подожгли, едва ноги унес. И два мотоцикла подбили.

– Иван! – прикрикнул на своего помкомвзвода Краев. – Если делать не хрена, обойди позиции, проверь маскировку.

– Почему не хрена? Я товарищей пушкарей махоркой угостить собрался. Вот, пожалуйста, товарищ старший сержант. Он протянул кисет, еще раз оглядел орудие и заметил:

– Калибр небольшой, но прицельность, наверное, хорошая.

– Бьет точно. На полкилометра сорок миллиметров брони прошибает, – объяснял Семенюк. – Только немцы броню постоянно наращивают. Быстро, гады, реагируют.

Командир артиллерийского расчета оказался распорядительным и хозяйственным мужиком. Пушкари быстро разобрали сложенные на повозке лопаты, кирки и принялись рыть капонир. Ездовой отогнал лошадей пастись в глубь пе-

релеска. Краеву понравилось, что у артиллеристов хороший шанцевый инструмент: штыковые и совковые лопаты, кирки, ломы.

Его взвод окапывался саперными лопатками, которые для рытья окопов были неудобны. Работа шла медленно, лезвия гнулись, а черенки ломались. Андрей присел рядом с Романом Семенюком, кивнул на инструмент:

– Где разжились? Мы с саперными лопатками мучались, половину переломали.

Старший сержант внимательно поглядел на молодого лейтенанта:

– Давно на фронте?

– С месяц. Первый бой дня три назад приняли. Вон, братская могила и мотоцикл сгоревший.

– Ты не обижайся, лейтенант, что я с советами лезу. Запасись в ближайшей деревне нормальными лопатами. Кирки, ломы раздобудь. Я с начала августа воюю, немцы быстро приучили, как следует окапываться.

– Пошлю людей. Тут деревенька неподалеку.

– Запасные позиции вырой. Часть окопов ходами соедини, в бою пригодится. Бомбежки еще не нюхали?

– Бомбили эшелон, но самолетов всего три было. Один вагон подожгли, погибли человек семь, но зенитки не дали гансам разгуляться.

– Фрицам, – поправил лейтенанта Семенюк. – Так их теперь называют. Фрицы! А они нас Иванами кличут. Эй,

Иван, сдавайся, войну проиграл.

– И сдаются?

– Бывает, – неопределенно отозвался артиллерист. – Ты сам понимаешь, какой у людей настрой. Война три месяца идет, а немцы Белоруссию подмяли, бои под Киевом идут, до Новгорода добрались.

– Ну и к чему ты ведешь?

– Только не надо к словам цепляться, – не спеша сворачивал самокрутку старший сержант. – Зевнули мы крепко, да и растерялись поначалу. Теперь вот расхлебываем.

– Считаешь, расхлебаем?

– Слишком большой кусок Гитлер заглотить решил. Думаю, рано или поздно подавится. Только все это большой кровью обернется. Да уже обернулось. За полтора месяца чего только не нагляделся. Твоему эшелону повезло, а я видел целиком разбитый. Сотни убитых лежат, и убирать некому. Мы хотели подойти, боеприпасами и обувкой разжиться, а ближе чем на сто метров не подойдешь. Жара, тела вздулись, вонь такая, что лучше уйти.

Андрей первый раз слышал подобный рассказ. На политзанятиях в Алма-Ате и по дороге сюда совсем другое говорили. Немцев быют: то двадцать, то сорок танков уничтожили, самолеты пачками сбивают. А тут незнакомый сержант почему-то разоткровенничался. Почему?

Роман Николаевич Семенюк ответил сам, не дожидаясь вопроса.

– Воевать нам вместе, а ты парень вроде неплохой. Я тебе верю. Тем более дрались вы нормально. Я прямо скажу, слабинку бы ты дал, намотали бы весь твой взвод на гусеницы. Гранаты – слабое оружие против танков. Если только в упор бросить, под гусеницы, или сумеешь на жалюзи угодить. Эти «РПГ 40» мы еще перед войной пробовали. Броню на два сантиметра проламывают, а у «Т 3» куда толще.

– Пусть толще, но в окопах не спрячешься, – с досадой возразил Андрей Краев. – Видел я, как гусеницами людей переламинают.

– Значит, учи лучше своих людей. Если танк мимо прошел, пусть не думают, что опасность миновала. Для него крутануться и окоп снести – три секунды. А за три секунды пару гранат сбоку вложишь, вряд ли катки да оси удар выдержат.

В общем, нормальный разговор состоялся. Краев понял, что у него появился новый, судя по всему, надежный помощник.

Вечером, не дождавшись ужина, Андрей решил сходить в санчасть полка. Предупредил ротного:

– Я на часок. Рана что-то воспалилась.

Еще несколько дней назад старший лейтенант Лимарев не удержался бы и съязвил. Но после того первого боя, о котором знали в штабе дивизии и даже появилась заметка в многотиражке, ротный вел себя с Краевым осторожнее. Тем более его крепко поддел комбат.

– Краев воевал, а ты, Лимарев, с моря погоды ждал. Почему товарищу не помог?

Это был не совсем справедливый упрек. Вторая рота Лимарева держала оборону на участке шириной около километра. Учитывая, что рота была не полная, плотность обороны составляла один человек на 10–15 метров.

Единственный станковый «максим» он отдал Краеву и мог рассчитывать только на три ручных «дегтярева» и гранаты. Посоветовавшись с политруком, выделил еще пять бойцов. Ослаблять и дальше свой участок не рискнул.

Тем более сам готовился к бою. Немцы пустили вдоль окопов еще один бронетранспортер и, судя по всему, нащупывали слабые места. Старший лейтенант Лимарев хоть и не являлся кадровым военным, но был человеком смелым.

Оборудовал командный пункт впереди, ординарец приготовил запас гранат, и Юрий Лимарев готов был при необходимости пустить их в ход.

– Шагай в санчасть, пока время есть, – прервал затянувшееся молчание старший лейтенант. – Тем более в бою ранен. Да и как герою откажешь?

– Бросьте, Юрий Федотович, – смутился Андрей, который был моложе ротного лет на пять. – Рана так себе. С Настей договорились встретиться.

Сказано было не совсем верно. Настя Ютова цену себе знала. Лейтенант ей нравился, но завязывать с ним какие-то отношения она не торопилась. Обожглась еще в Алма-Ате,

где формировалась дивизия. Встретила молодого капитана из санитарного управления, кажется, влюбилась. Но закончилось все быстро и неожиданно. Настя строила планы на счет будущей совместной жизни, но капитан получил предписание в сануправление другой армии, а перед отъездом признался, что женат и имеет двоих детей.

– Не обижайся, Настюха, – только и сказал на прощание. – Встретил тебя, про все забыл, а теперь вот на войну отбываю. Прости, если сможешь.

– Оно тебе нужно, мое прощание? – ответила Настя. – Трепло ты, и больше никто. На войну он едет! Отсидишься в сануправлении, вот и вся твоя война!

Какое-то время почти с ненавистью отталкивала от себя всех мужчин, которые пытались оказать ей внимание. Тем более наслушалась похожих историй от подруг в медсанбате.

Хотя многие принимали подобные встречи-расставания легко. Война, неизвестно, сколько тебе жизни судьбой отпущено. Вот и торопились оторвать свой маленький кусочек счастья.

– Явился твой кавалер, – толкнула Настю подруга. – Идет, аж светится. Нравишься ты ему.

– Меня бы не было, – отозвалась Настя, – он бы так же и к тебе подкатывался.

– А что? Я не против. Парень видный, лейтенант.

– Иди ты подальше! – обругала подружку красивая Настя. – Своего заведешь, тогда распоряжаться будешь.

– А этот, выходит, твой?

Результат получился такой, что встретили геройского лейтенанта не слишком приветливо.

– У тебя других дел нет, без конца в санбат ходишь?

– Всего третий раз.

– А надо бы в десятый?

Андрей Краев самолюбия имел в достатке. Хотел было вернуться и уйти, но сдержался. Немного поговорили ни о чем, затем Настя сама предложила лейтенанту:

– Пойдем прогуляемся, что ли. А то здесь у нас всем все надо, уставились, ждут чего-то.

Бабье лето уже прошло, но погода стояла неплохая. Сегодня и вчера пригревало солнце, зато ночами сухую траву густо осыпал иней. Понемногу разговорились.

– Ты хоть неженатый? – неожиданно спросила Настя.

– Нет. А что?

– Ничего, – и засмеялась. – Не переживай, я не напрашиваюсь. А мог бы уже и жениться, и детей иметь. Годков тебе сколько?

– Двадцать три.

– Не такой уж и молодой. Невеста небось на родине осталась?

– Была невеста. Только время сейчас такое, что не очень ждут. Пока учился да отпуска ждал, невеста за другого вышла.

– Свободный, значит. Куда хочу, туда иду.

– Настя, а ты попроще не можешь? Ну видишь, глянулась мне, чего подкалывать без конца.

– Проще – это как? – шурила медсестра зеленые глаза. – Вон стог стоит, пойдем полежим? Так, что ли?

– Не полежим, так посидим.

– Ладно, согласна. Только руки не распускай.

Посидели на сене возле раздерганного стога. Поговорили о жизни. Почти земляки. Андрей Краев был родом из небольшого городка Дубовка, под Сталинградом. Настя Ютова из Камышина, тоже на Волге, только километров на полтора ста выше.

– Добровольцем на фронт пошла?

– Меня никто не спрашивал. Собрали тридцать девчат с выпускного курса, тех, у кого опыт какой-то в медицине имелся. За неделю приняли экзамены. Двоих-троих матери успели забрать, а остальных переодели и в эшелон. Меня аж в Алма-Ату забросило, где дивизию формировали. А теперь вот здесь, с тобой сижу.

– Холодно, наверное, – придвинулся ближе Андрей. – Давай хоть погрею немного.

– Ну погрей. Вижу, что не терпится.

Осторожно обнял девушку, потрогал холодные ладони.

– Не замерзну, не переживай.

Но и сама придвинулась к Андрею. Какое-то время сидели молча. Настя повернулась к нему, лицо было совсем близко.

– Расскажи что-нибудь. Говорят, крепко вы с немцами

схватились. Страшно было?

– Страшно не страшно, а взводом командовать надо. Повоевали немного.

– И немцев убивал?

– Меня этому и учили. Не я, так они меня. А у тебя глаза красивые.

Он прижал Настю теснее, поцеловал. Девушка понемногу оттаивала, целовались, прижимаясь друг к другу. Незаметно расстегнулась шинель, затем пуговицы на гимнастерке. Пальцы нащупали, гладили теплую грудь.

– Постой, – оттолкнула его Настя. – Шустрый ты слишком. Я не девочка, тоже чего-то хочу. Только не здесь. На этот стог половину наших санитарок перетаскали.

– А где? – спросил Андрей. – У меня в землянке телефонист и помкомвзвода.

– Эх, Андрюха ты Андрюха...

Встретились на следующий вечер, когда в землянке медсестер никого не было. Андрей лежал, обнимая девушку, ощущая каждой клеткой ее горячее тело.

– Хорошо мне с тобой, Настя.

– И мне тоже, – снова тянулась она к нему. – У нас еще часок остался. Потом девки наши придут.

Собирались встретиться и на следующий день. Но полк внезапно подняли по тревоге и, ничего не объясняя, повели к железнодорожной станции.

В суматохе Андрей все же нашел Настю.

– Мы же вместе едем?

– Никто ничего не знает.

– Дай на всякий случай номер полевой почты.

Торопливо записал на листке блокнота. Настю уже торопили. Поцеловались на прощанье и побежали к своим вагонам.

Глава 3

Путь на Москву

Планы немецкого командования относительно «блицкрига» (молниеносной войны) предусматривали в течение 8—10 недель захватить Москву и выйти на линию Архангельск – Северная Двина – Волга – Астрахань.

В самоуверенности Адольфу Гитлеру было не отказать. Хотя заглотить такой кусок советской земли и не подавиться было трудно, а точнее, невозможно. Попутно (между делом) фюрер собирался победить Великобританию и захватить северное побережье Африки.

Немецкие войска продвигались быстро. Танковые клинья разрывали слабо организованную оборону, окружали дивизии, армии, сминали фронты. Особенно успешным для вермахта стал июль сорок первого года. Горький месяц для всей нашей страны.

К концу этого месяца немцы продвинулись на сотни километров в глубь Советского Союза, захватили большую часть Белоруссии, Прибалтику, стояли у ворот Киева. Но сами немцы потом скажут: «Это был месяц успехов, которые не стали победой». Именно в июле немецкая армия, от рядовых и до генералов, почувствовала, что в России не так все просто.

Советские войска несли огромные потери, по дорогам двигались колонны военнопленных, было захвачено большое количество военной техники, в небе хозяйничала германская авиация.

Но в июле хорошо налаженный механизм вермахта споткнулся. Два месяца – с 10 июля по 10 сентября – продолжалось ожесточенное Смоленское сражение. К концу августа уже предписывалось взять Москву, однако вместо этого под Ельней была разгромлена и была вынуждена отступить крупная группировка немецких войск.

Это уже был срыв «блицкрига». В Смоленском сражении самая мощная группа армий «Центр» потеряла половину своих танков и двадцать процентов личного состава (в основном передовые, наиболее боеспособные части). Но как бы то ни было, а вермахт продолжал наступать.

В официальных документах начало битвы за Москву отмечено датой 30 сентября сорок первого года. Понесшая большие потери группа армий «Центр» была усилена за счет войск, переброшенных из-под Ленинграда.

Два миллиона немецких солдат и офицеров, 1700 танков, почти полторы тысячи самолетов и масса артиллерии повели упорное наступление на Москву на фронте протяженностью около тысячи километров, пытаясь охватить столицу с нескольких сторон.

Это было одно из самых тяжелых сражений для нашей армии. «Москву не отдадим!» – таков был общий настрой. Но

как не хватало нам в ту осень людей, танков, орудий и самолетов! Немцы превосходили нас в этом сражении по большинству показателей в полтора-два раза.

На защиту Москвы перебрасывались дополнительные части. Одной из них была 316 я стрелковая дивизия генерала Панфилова Ивана Васильевича. В нее входили три стрелковых полка (1073 й, 1075 й, 1077 й), артиллерийский 857 й полк, а также несколько отдельных подразделений.

Это была обычная дивизия Красной армии, пока ничем себя не проявившая. Но ей будет суждено войти в историю великой войны и сыграть важную роль в обороне Москвы.

Четвертая рота капитана Гундиловича (1075 й полк) занимала несколько вагонов в середине длинного эшелона, состоявшего в основном из теплушек и нескольких открытых платформ с артиллерией.

Во время нахождения в резерве на Северо-Западном фронте его роте почти не пришлось участвовать в боях. Она, как и большинство подразделений дивизий, находилась в резерве.

Однако боевое крещение получила. В конце сентября возле деревни Невий Мох немцы предприняли разведку боем и вклинились в оборону. Если лейтенанту Краеву из соседнего полка пришлось практически в одиночку отбивать удар, то здесь немецкая группа, что называется, нарвалась.

Четвертая рота и взвод пешей разведки отбили нападение.

Немцы отступили, оставив несколько убитых. Значение этого небольшого боя заключалось в том, что произошел он в важном для обороны месте.

В окрестностях озера Ильмень среди лесов и кустарника имелось много болот, которые тормозили продвижение немецкой техники.

На участке четвертой роты немцы настойчиво пытались нащупать переправу через болото. Возможно, в этом месте планировалось наступление. После боя, убедившись, что переправа надежно перекрыта, немецкая разведка на этот участок больше не совалась.

Для многих бойцов эта стычка с немецкой разведкой стала первым боем. Его долго и оживленно обсуждали, рассматривали захваченное трофейное оружие. Молодой командир взвода показал на автомат «МП 40».

– Нам бы побольше автоматов. В лесной местности удобное оружие. С нашей трехлинейкой, да еще со штыком, в чаще не слишком развернешься. Неплохая штука.

Молодой командир взвода Михаил Шишкин и несколько бойцов вопросительно смотрели на своего ротного, которого уважали за рассудительность, опыт и смелость.

Капитан, обычно отвечавший на вопросы прямо, на этот раз замешкался. Автоматов в полку практически не было, за исключением нескольких «ППД 40» в комендантском взводе.

Много чего не хватало в полку. Противотанковых пушек,

минометов. Имелся минимум боеприпасов. Но обсуждать недостатки вооружения принято не было. За этим бдительно следили особысты и политработники.

Павел Гундилович ответил в полушутку:

– Хороший стрелок из винтовки немца за триста метров снимет, а из этого автомата дай бог за сто шагов попасть. Хотя в ближнем бою штука неплохая. Наладится производство, будут у нас и свои автоматы.

В этот момент подошел один из политработников штаба полка. Прибыл он, как водится, после боя. Повертел в руках трофейный автомат, снисходительно заметил:

– Ты, капитан, обратил внимание, что у этого «шмайссера» ствол длиной тридцать сантиметров? Им только ворон пугать. Да и патронов не напасешься.

– Это не «шмайссер», а «МП 40» последнего образца, – заметил Павел Гундилович.

– Хоть первого, хоть последнего, – отмахнулся политработник в звании батальонного комиссара. – А ты чего, Клочков, молчишь? Ты ведь политрук роты.

Василий Клочков неохотно отозвался:

– В ближнем бою автоматы эффективно действуют. Неплохо, если и мы хотя бы по несколько штук получим.

– Для ближнего боя пока ничего лучше русского штыка не придумали, – уверенно рассуждал батальонный комиссар. – Ну и гранаты. Так, что ли, товарищи бойцы?

Те из красноармейцев, которые видели, как от автоматно-

го огня в считанные минуты погибли несколько их товарищей, промолчали. Другие кивнули, соглашаясь с батальонным комиссаром.

– Вот так, товарищ Шишкин, – похлопал взводного по плечу политработник. – Ясно? Штыковой бой в училище на какую оценку сдал?

– На «хорошо», – козырнул лейтенант.

– А надо бы на отлично. Ничего, в боях научишься.

Капитан Гундилович и его политрук Василий Клочков терпеть не могли, когда непростую военную науку смешивали с пустыми рассуждениями, отдающими ненужным бодрячеством, которые не прибавляли авторитета командирам.

Половина бойцов их роты была из числа ополченцев, пришедших в армию в качестве добровольцев. Многие были в возрасте тридцати лет и более, повидали жизнь и реально понимали обстановку. Разговаривать с ними как с зелеными новобранцами было просто неразумно.

По штатам начала войны в стрелковом полку полагалось иметь на вооружении тридцать восемь станковых пулеметов «максим» и 80 ручных пулеметов системы Дегтярева. В общей сложности по семь-восемь пулеметов на роту.

Однако в четвертой роте имелся всего лишь один «максим» и четыре «дегтярева». Винтовок хватало, однако осваивали их теоретически.

Учения по метанию боевых гранат проводить не рекомендовалось во избежание несчастных случаев. Предлагалось

отрабатывать навыки, кидая деревянные гранаты.

— Какие навыки? — возмущались командиры, особенно те, кто участвовали в войне с Финляндией или в боях на Дальнем Востоке. — Пока каждый солдат по две-три боевых гранаты не бросит, никаких результатов не будет. Не научили воевать сейчас, на войне поздно учиться будет. Большой кровью такая учеба обойдется.

Этот вопрос решили благодаря генералу Панфилову. Он два года воевал в Первую мировую войну, позже пошел добровольцем в Красную армию, был командиром взвода в Чапаевской дивизии, затем командовал ротой под Царицыном.

Генерал организовал в сформированной им дивизии не только обучение гранатометчиков, но и создал группы истребителей танков, как этого требовал Верховный главнокомандующий Сталин.

Гундилович, обучавший своих бойцов, видел слабую эффективность противотанковых гранат того времени, «РПГ 40» конструктора Пузырева М. И. Но за неимением лучшего придется воевать ими.

Большие надежды возлагались на артиллерию.

Однако в масштабах роты или батальона требовалось предусмотреть вероятность того, что с вражескими танками придется воевать, когда артиллерии поблизости может и не быть.

Пожалуй, самым сложным было преодолеть «танкобоязнь». Несколько раз устраивали обкатку танками «Т 26» и

«БТ 7» окопов, где укрывались красноармейцы.

По инструкции бойцы пропускали танк, спрятавшись поглубже в окоп, а затем кидали учебные гранаты, целясь в моторную часть или под гусеницы. Для таких учений требовалось много времени, не хватало машин, и обкатку прошла лишь небольшая часть красноармейцев.

Ручных гранат «РГД 33» тоже не хватало, и боевые учения проводились в основном с сержантским составом. Еще сложнее обстояло дело с противотанковыми гранатами.

Их бросали из широких окопов. Поставленная на боевой взвод «РПГ 40» могла взорваться, если боец слегка задевал при броске край бруствера или от волнения ронял тяжелую гранату. Но как бы то ни было, а учения в дивизии шли, и на фронт люди отбывали, имея какие-то навыки.

Кроме того, месяц, проведенный на Северо-Западном фронте в относительно спокойной обстановке, капитан Павел Гундилович тоже использовал для подготовки роты. Он был призван из запаса, но уже имел боевой опыт, участвовал в боях с японцами у озера Хасан.

Политруком 4 й роты был Василий Ключков, родом из Саратовской области. У политрука тоже была непростая биография. Рано осиротел, батрачил. Обладая незаурядными способностями, заочно закончил к тридцати годам два института, в том числе Московский институт литературы.

Рота насчитывала 157 человек, теплушки были набиты тесно, учитывая, что с собой везли ротное имущество, теп-

люю одежду, боеприпасы.

Куда направлялся эшелон, никто не знал, но уже через несколько часов стало ясно, что поезд движется на юго-восток.

– Наверняка к Москве, – сказал Клочков.

Несмотря на то что октябрьская ночь была холодная, в теплушках было душно. Дверь приоткрыли, свежий осенний воздух врвался в вагон.

Из-за суеты при погрузке с ужином припоздали. На коротких остановках разносили термосы с кашей, хлеб, махорку.

Непроглядной была октябрьская ночь. Везде действовало затемнение. Лишь на крутых поворотах виднелся сноп искр, выбивающийся из паровозной трубы. Вскоре большинство бойцов, за исключением дежурных, уже спали на нарах.

Павел Гундилович и Василий Клочков сидели возле двери, курили и вполголоса переговаривались. За два месяца, проведенных вместе, они успели привыкнуть друг к другу и подружиться.

Командир роты и ее политрук обладали одинаковыми правами. Принимая какое-то решение, ротный командир был обязан согласовывать его с политруком. Этот принцип двоевластия не нравился многим командирам. Тем более политруки зачастую не имели военной подготовки.

Гундилович и Клочков сумели избежать тех конфликтов, которые нередко возникали из-за этого двоевластия. Обоим было за тридцать лет, и свои поступки они взвешивали более

обдуманно, чем молодые командиры.

Василий Ключков излишне не лез в чисто военные вопросы, а больше занимался с людьми. Это помогло выдвинуть четвертую роту по большинству показателей на передовое место в полку.

Вначале говорили о семьях, полученных письмах. Но внезапная переброска дивизии, судя по всему под Москву, заставляла обоих возвращаться к этой теме.

– Павел, ты военный человек, – говорил Ключков. – Как могло такое случиться? Ура, победили врага на его территории малой кровью, а получается, что до Москвы докатились.

Эту тему обсуждали тогда по всей стране. Чаше – в узком кругу близких друзей. За «пораженческие настроения» можно было нарваться на крупные неприятности. Но и молчать о сложной ситуации на фронте они не могли.

– Вот так и получается, – неторопливо рассуждал капитан. – Не готовы мы оказались, многое не предусмотрели.

Более горячий по характеру, Василий Ключков показывал на спящих красноармейцев и, стараясь говорить тише, высказывал свои невеселые мысли.

– Хотя бы наших бойцов взять. Кадровых солдат немного, в основном призывники и ополченцы, опыта никакого. В роте тридцать человек казахов, киргизов, узбеков, некоторые по-русски не говорят. Через переводчиков винтовки изучали.

– Научатся. Это не самое главное. Противника нельзя

недооценивать. Иногда бои на озере Хасан вспоминаю. Чего нам япошки! А они, оказывается, воевать неплохо умеют. Почти две недели бои шли, и потери мы понесли немалые. А согласованность действий возьми! Основную массу артиллерии собрали в отдельные полки, бригады, а в полку всего десять-двенадцать легких пушек. Это на две с половиной тысячи человек.

– У нас в артиллерийском полку тридцать гаубиц и полсотни полевых пушек. Этого мало?

– А взвод Краева танковую атаку гранатами и бутылками с горючей смесью отбивал.

– У фрицев всего один танк был и бронетранспортер, – засмеялся Клочков. – Великая сила!

– Плюс пять мотоциклов, пулеметы, 80 миллиметровый миномет. Хватило бы прорвать оборону и батальон смять. Кстати, в батальоне тоже артиллерии не было.

– Ну ты скажешь, Павел, – покачал головой Клочков. – Одним танком и мотоциклами батальон уничтожить.

– Не в этом дело, один или три танка там было, – с досадой перебил Василия капитан. – Мало наших частей в окружение попадало и там же оставалось. Одними лозунгами бой не выиграешь. Кто мешал выдвинуть хоть одну легкую пушку вперед?

– Выдвинули, – отмахнулся Клочков. – На третий день. Зато ученые теперь будем.

– Дай бог, если так.

Выкурили еще по самокрутке и тоже улеглись спать.

Утром, когда миновали Вышний Волочек, на эшелон налетели немецкие самолеты: тройка пикирующих бомбардировщиков «Юнкерс 87» и четыре «мессершмитта». Поезд спешно тормозил, а вдоль эшелона неслась команда:

– Воздух! Все в укрытия.

Капитан выталкивал из вагона замешкавшихся красноармейцев. Набравший ход состав замедлял скорость рывками, из-под колес летели искры. Ударили взрывы.

«Юнкерсы» с торчавшими шасси, изогнутыми широкими крыльями и черно-белыми крестами на фюзеляже сбрасывали бомбы с высоты пятисот метров. Высоковато, чтобы угодить в узкую цепочку вагонов и платформ.

Но опускаться ниже, как это было в первые недели войны, «юнкерсы» не рисковали. С платформ в их сторону вели огонь две счетверенные установки «максимов».

В первую очередь «юнкерсы» старались вывести из строя паровоз, чтобы обездвижить состав. Несколько «стокилограммовок» взорвались вдоль насыпи, но в паровоз бомбы не попали. Зато разнесло, как спичечный коробок, один из вагонов.

Взлетели обломки деревянной обшивки, искореженная крыша. Соседний вагон опрокинуло набок. Павел Гундилович придержал пулеметчика с «дегтяревым»:

– Подожди, вместе побежим.

Затем вытащил за шиворот из-под вагона забившегося туда паренька-узбека.

– В лес беги! Нельзя здесь оставаться.

Парень лет восемнадцати неуклюже зажал винтовку под мышкой и позвал на своем языке товарища, который свернулся клубком возле колеса.

Рядом грохнуло с такой силой, что взрывная волна опрокинула капитана, пулеметчика и парня-узбека. В стене вагона зияли несколько пробоин от осколков. Выполз второй боец-узбек, все вместе бросились к сосновому перелеску.

Неподалеку бежал политрук Ключков. Шапку со звездой сбило на землю, он поднял ее и торопил бойцов.

– Ребята, не отставать!

Эшелону повезло, что «Юнкерсов 87» было всего три. Не так много состояло этих пикирующих бомбардировщиков на вооружении люфтваффе. Способные нести тысячу килограммов бомб, они довольно эффективно поражали наземные цели, а бронированный корпус противостоял зенитным пулеметам винтовочного калибра.

Но пулеметчики учились быстро и знали наиболее уязвимые места «юнкерсов». Поэтому многие пилоты не рисковали пикировать слишком низко, тем более скорость «юнкерсов» была сравнительно невысока.

Тяжелее пришлось, когда эшелон и разбегающихся бойцов догнали две пары «мессершмиттов». Они пронеслись со скоростью 550 километров, сбросили несколько небольших

авиабомб.

Разбили платформу и вагон, а затем обрушили на разбежавшихся бойцов огонь пушек и пулеметов.

Четыре ствола на каждом «мессершмитте» (по две пушки и два пулемета) выстилали сплошную полосу сверкающих трасс, догоняя красноармейцев, не успевших скрыться за деревьями.

На глазах Василия Клочкова упали и покатались по траве, покрытой инеем, сразу трое красноармейцев. Двое так и остались неподвижно лежать, пробоины в шинелях напитывались кровью. Помогая подняться третьему, политрук увидел, как парит, вытекая из пушечных ран, кровь.

Боец, которому он помог подняться, оказался невредимым. Упал, спасаясь от огня.

– Живой! Ей-богу, живой, – повторял он.

– Подбери винтовку! – крикнул, приводя его в чувство, Василий Клочков.

Пилоты «мессершмиттов», скоростных и хорошо вооруженных, чувствовали себя хозяевами в небе. Командир звена, молодой обер-лейтенант, снизился до двухсот метров, чтобы в полной мере использовать мощь бортового оружия.

Однако самолет из второй пары угодил под огонь счетверенной зенитной установки. Не меньше десятка пуль пробили корпус и повредили двигатель «мессершмитта».

Пилот с трудом вывел из падения дымящий самолет. Двигатель захлебывался, «мессер» уходил рывками в сторону

своего аэродрома.

– Получил, гад! – кричали бойцы, добежавшие до леса.

Три оставшихся самолета развернулись и пошли на новый заход. Павел Гундилович с ручным пулеметом, укрывшись за сосной, выпускал длинные очереди, целясь в головной «мессершмитт».

Василий Клочков и несколько красноармейцев стреляли из винтовок. Немецкие истребители с ревом пронеслись над эшелоном, не обращая внимания на выстрелы с земли. На такой скорости в них трудно было попасть.

Зенитчики возле счетверенной установки, сумевшие подбить «мессершмитт», угодили под трассы. Пули и 20 миллиметровые снаряды опрокинули на платформу командира расчета и одного из бойцов, вывернули пулеметный ствол.

Вторая установка добивала остатки лент вслед уходящим «мессершмиттам». Через несколько минут установилась тишина. Слышались лишь голоса командиров, собирающих своих людей.

Отцепили разбитый вагон и столкнули его под откос. Несли раненых. Хоронить погибших (их было девять человек) времени не было – в любую минуту могла налететь другая группа самолетов.

Комендант эшелона приказал собрать документы, оружие и договорился с железнодорожниками, что они похоронят погибших сами. Паровоз снова набрал ход, состав двинулся мимо воронок, тлеющей хвои.

Первый эшелон 316 й дивизии прибыл на станцию Волоколамск седьмого октября, а три дня спустя подошли остальные. Дивизия уже через сутки заняла рубеж обороны, растянувшийся по фронту на пятьдесят километров, в двадцати пяти километрах западнее Волоколамска.

Командование Западного фронта здесь создавало Волоколамский боевой участок. В него кроме 316 й дивизии генерала Панфилова входили ряд других частей, в том числе два артиллерийских полка, зенитный дивизион, а также около тридцати танков.

Рота капитана Гундиловича окапывалась вместе с другими подразделениями полка на левом фланге оборонительного участка. Когда выгружались из эшелона, капитан дал задание старшине обеспечить роты нормальным шанцевым инструментом.

Оказалось, что задача эта не такая простая. Саперы, неплохо обеспеченные всем необходимым, раздавать свой инструмент никому не собирались. У интендантов удалось раздобыть лишь десяток саперных лопаток.

Рискуя отстать от полка, старшина Егор Первухин на подводе вместе с помощником заехали в одну, другую деревню и буквально выпросили штук пятнадцать штыковых и совковых лопат.

На заброшенной машинно-тракторной станции нашли две пилы (которые оченьгодились), кое-какой старый инструмент, в том числе несколько ломов, хоть и погнутых,

тронутых ржавчиной, но пригодных для работы.

По дороге наткнулись на патруль. Двое красноармейцев во главе с сержантом долго проверяли документы. Номер недавно прибывшей дивизии им ничего не говорил.

Перед этим они уже отправили двоих дезертиров в комендатуру. Сержант поворошил солому, еще раз оглядел старшину. Человеком он оказался рассудительным и понял, что дезертиры не станут таскать с собой целую повозку старого инструмента. Вернул документы и посоветовал:

– Ищите быстрее своих, пока вас к какой-нибудь сборной роте не присоединили.

– Как там Москва? – спросил старшина, пряча документы.

– Москва на месте, – усмехнулся сержант. – А такие, как вы, мотаются по дорогам, свой полк найти не могут.

В темноте каким-то чудом выбрались на позиции соседнего полка, а через час были уже у своих. Капитан оглядел заляпанного грязью старшину, вздохнул. Но увидев повозку, загруженную инструментом, обрадовался.

Роты срочно окапывались. Погода стояла – хуже не придумаешь. Весь день моросил дождь, а к ночи ударил мороз. Люди, сменяясь, рыли окопы, траншеи, сооружали землянки.

– Целый день крошки во рту не было, – пожаловался Первухин.

– Привез инструмент, корми людей, – сказал Василий Ключков. – Кроме тебя, некому заниматься. Все укрепления

роют, немцы совсем близко.

Пришлось сгружать инструмент и ехать к интендантам за продуктами. Уцелевшие после бомбежки полевые кухни не успевали готовить горячее. Тем более крупа – перловка – варилась довольно долго.

Поговорил с поварами, мужиками в возрасте. Один невестело рассуждал:

– Думают, самое теплое место у нас. А оно не теплое, а горячее. Бомба килограммов на двадцать пять прямо в нашу платформу угодила. Дружок мой вместе с полевой кухней под откос улетели. Подбежали, а по нему как трактор проехал.

– Второй руку сломал, когда падал, – добавил помощник.

– Война, – вздохнул старшина. – У вас хлеба пожевать не найдется, пока ждем? Ни крошки во рту уже сутки не было.

Первухину и его спутнику отрезали ломоть серого, плохо пропеченного хлеба и дали крупную, уже поржавевшую сеledку.

– Жуйте, а воды вон в бочке сколько хочешь.

Затем отвезли одну из полевых кухонь в роту, покормили под дождем людей. Поспать так и не удалось.

Занятый своими хозяйственными делами, насквозь промокший старшина Первухин лишь на рассвете прикорнул с помощником в одной из землянок.

Егор оглядел кое-как вырытое укрытие с земляными нарами. Потрогал жерди и доски, сквозь которые сочилась во-

да.

– Переделывать надо. Поплывет такая землянка, – сказал он. – Ладно, отдохнем, а там видно будет.

Занятый своими делами, старшина Егор Первухин, как и остальные бойцы, не догадывался о том, какая обстановка складывается в месте дислокации 1075 го стрелкового полка.

Распутица сильно затрудняла продвижение немецких войск к Москве. Однако фельдмаршал фон Бок упрямо пробивался вперед, оставляя в непролазной грязи завязшие, вышедшие из строя танки, машины, мотоциклы.

Главной тяговой силой, которая могла одолеть бездорожье, были лошади и солдаты, толкавшие по колено в грязи артиллерию, буксующие грузовики.

Взобравшись на очередной холм, где было не так вязко, солдаты без сил валились на мокрую траву, жадно курили. Лейтенант всматривался в бинокль. Он видел впереди лишь ту же бесконечную равнину, залитые водой овраги, перелески, острова густого соснового леса.

Россия... Сто тридцать лет назад ее пытался завоевать великий Наполеон. Кажется, он шел этим же путем... и возвращался тоже.

Обозленные немецкие солдаты в деревнях, занимая под ночевку дома с деревянными, почерневшими от дождей крышами, выгоняли на холод и женщин, и детей. Летом они обещали освободить их от власти большевиков, сейчас про это забыли.

На околицах стучали выстрелы. Убивали подозрительных русских парней и мужиков, которые могли быть связаны с партизанами. Или не связаны... какая разница? Чем меньше останется русских, тем лучше.

Это было начало массового истребления гражданского населения Советского Союза. Мирных жителей погибло в той войне 13 миллионов человек. Запомни эту цифру, читатель! Такая была война, и такой враг напал на нас.

С 13 октября 1941 года развернулись ожесточенные бои на рубежах Можайского, а с 16 октября и Волоколамского укрепрайона.

Четырнадцатого октября сорок первого года у деревни Старая Мята принял первый бой пулеметный взвод лейтенанта Николая Шанева. Трудно сказать, что проявилось в нем больше – отчаянной смелости, которая присуща юности, самопожертвования или уверенности, граничащей со смертельным риском. Так или иначе, бойцы Панфилова сразу дали понять, с кем придется столкнуться немецким солдатам группы армии «Центр».

Взвод лейтенанта Шанева выдвинули в боевое охранение. Подразделение было неполное, четыре пулемета «максим» с расчетами, сам лейтенант, подносчики боеприпасов, наблюдатели, всего около двадцати человек.

Пулеметные окопы были выкопаны метрах в ста пятидесяти от дороги. Впрочем, как таковой дороги не существо-

вало. Это была колея, залитая мутной жижей. Машины и повозки, обходя наиболее глубокие выбоины, размесили землю, как тесто, где ухабы чередовались с ямами и воронками.

Николай Шанев, наибольшего роста, светловолосый, закончил училище в сорок первом году, боевого опыта не имел, но ситуацию схватывал быстро.

Когда послышался шум моторов, он приказал никому не высовываться и огонь без команды не открывать. Сначала прошли несколько мотоциклов, следом три танка, два из них «Т 3» с 50 миллиметровыми пушками. Лейтенант знал, что вступать с ними в бой бесполезно, они расстреляют его взвод, даже не сворачивая с дороги.

Он послал связного доложить, что параллельно линии обороны полка, не приближаясь к ней, движется довольно многочисленная немецкая передовая группа. Немного отстав от танков, шли четыре грузовика с солдатами, буксуя в грязи и тяжело переваливаясь на ухабах.

– Ну что, врежем по фрицам? – поглядел он на своего помощника Степана Авдеева. – Четыре «максима», устроим такую встречу, что сразу про Москву забудут.

Авдеев, старше возрастом своего командира, только вздохнул. У него была семья, дети, а бой вряд ли закончится в их пользу. Развернутся танки и сметут взвод снарядами или смешают с землей гусеницами.

Но Авдеев видел, что лейтенант уже загорелся предстоящим боем.

– Товарищ лейтенант, тебе решать, – отозвался Авдеев. – Можно ударить, но только голову не терять. Выпустим по ленте и сразу отходим. Иначе все здесь останемся.

Пулеметчики, молодые ребята, ровесники лейтенанта, а кто и моложе, уже наводили прицелы на ползущие в раскисшем месиве грузовики.

Ударили дружно. Три машины остановились, третья пыталась уйти под защиту кучки берез. Пули прошивали насквозь борта и кабины, немцы спрыгивали вниз. Некоторые оставались неподвижно лежать, другие спрятались за грузовики и открыли ответный огонь.

Большинство солдат были вооружены автоматами. Понесся первые потери, они стреляли часто и не точно. Четыре «максима», с их высокой плотностью огня, не давали немцам поднять головы, отползали прочь раненые. Один из грузовиков уже горел, остальные осели на пробитые шины. Вытекал бензин, который тоже мог загореться в любую минуту.

Прячась за машинами, немцы устанавливали пулемет. Но плотный огонь «максимов» накрыл его, поджег второй грузовик. Расчеты уже меняли расстрелянные ленты и вставляли в казенники новые.

– Николай, уходим! – тряс за плечо лейтенанта Степан Авдеев. – У нас уже двое ребят ранены.

Но азарт боя был слишком велик. Не так часто удавалось застать немцев врасплох и накрыть огнем сразу четырех «максимов». Кто-то считал убитых, одновременно стреляя

из винтовки.

— Десятка два уложили!

— Надо остальных добивать.

Мотоцикл с пулеметом пытался прийти на помощь, но поединка не выдержал. Тяжелые «максимы» были дальнобойнее и прошили «БМВ» вместе с водителем. Однако немецкий пулеметчик успел разорвать несколькими пулями кожух одного из «максимов» и тяжело ранить командира расчета.

В сторону пулеметного взвода разворачивался один из танков. Николай Шанев понял, что пора срочно отступить. Вокруг позиций взрывались снаряды, пули с хлопанием вонзались в мокрую землю. Колеса пулеметов вязли в грязи, часть людей несла раненых.

Торопливо разбирали три «максима», четвертый вел непрерывный огонь. Но немецкий танк уже пристрелялся. Прямое попадание снаряда разбило пулемет, погибли два человека из расчета.

Взвалив два разобранных пулемета, то ли бежали, то ли прыгали по грязи. Четвертый «максим» катили на руках, добивая последнюю ленту. Снаряд взорвался в нескольких шагах. Упал второй номер, прошитый несколькими осколками.

Пулемет был тоже выведен из строя, смяло казенник, сплющило кожух. Подхватив раненого товарища, расчет «максима» догонял взвод.

Больше всего лейтенант опасался, что танк догонит уцелевших людей и перебьет остатки взвода. Чувствуя вину, Ни-

колай взял одного из бойцов физически покрепче, собрал противотанковые гранаты и приказал Авдееву как можно быстрее уходить.

Истек кровью и умер раненый пулеметчик. Шанев махнул рукой помощнику:

– Не задерживайтесь. Возьмите документы и уходите. Потом похороним.

Спрятавшись среди ивняка, лейтенант и красноармеец лежали с заряженными противотанковыми гранатами. Но «Т 3» остановился возле глубокой канавы, дал несколько очередей из пулеметов и двинулся в другую сторону.

Докладывая комбату о результатах боя, Николай Шанев ожидал выговора или чего похуже. Но получил благодарность. И не столько за убитых немецких солдат, как за своевременно открытую стрельбу.

Оказывается, звонили из штаба дивизии, узнавали, что происходит. Позже один из офицеров штаба вспоминал, что о бое и танках,двигающихся по направлению к левому флангу, доложили генералу Панфилову.

Изучив обстановку, он пришел к выводу, что основной удар будет нанесен на совхоз Булычева, на левом фланге, где держал оборону 1075 й стрелковый полк. Так оно и оказалось.

Глава 4

Волоколамский рубеж

Как и другие части, 1073 й стрелковый полк зарывался в землю, зная, что не сегодня завтра продолжится немецкое наступление. Полк занимал центральный участок обороны. Самыми опасными считались фланги, а поэтому полоса обороны полка занимала около двадцати километров.

Лейтенант Краев вместе со своим взводом копал окопы. Холодный дождь, который не прекращался целый день, заставил комбата выделить часть людей для сооружения землянок и временных шалашей.

К ночи доставили боеприпасы, а полевая кухня привезла горячий ужин. Вымотанные тяжелой земляной работой, люди ели без аппетита. Набросились на старшину:

– А водку почему не выдали?

– Наркомовские сто граммов с наступлением холодов положены!

Старшина Снитко усмехался:

– Вы еще холодов настоящих не видели. А водку начнут выдавать с наступлением морозов.

– Зато себя не обделил. Хватнул где-то хорошо.

– Хорошо или плохо, никто не видел. Ешьте кашу, пока не остыла. Еду, махорки привез, а вы все бурчите. Спасибо

сказать надо, что старшина такой заботливый.

Краев, проходя мимо, остановился, оглядел старшину Снитко. Тот держался крепко, но был явно выпивши.

– Имеются замечания, товарищ лейтенант? – улыбался во весь рот старшина. – Я свои обязанности выполняю, как положено.

Будь это месяц-два назад, когда Андрей еще не побывал в бою и не хоронил ребят из своего взвода, он бы прошел мимо. Старшины в ротах считали себя куда выше взводных лейтенантов.

Как правило, они поддерживали дружеские, далеко не уставные отношения с ротными командирами. Снабжали их продуктами получше, водкой и всячески втирались в доверие. Не у всех это получалось. Но Степан Снитко сумел найти общий язык с ротным Лимаревым, зная, что тот любит выпить и не откажется от хороших консервов или папирос.

Лимарев всячески поддерживал старшину, и связываться со Снитко было бы себе дороже. Но на этот раз лейтенант при виде самодовольного, хорошо выпившего старшины не выдержал.

– Смирно! – негромко скомандовал Краев. – Если увижу тебя еще раз в таком виде, будешь сидеть в яме под караулом, пока не протрезвеешь. Сумел урвать тайком спирту, хлебай его в стороне и поменьше ухмыляйся.

Растерявшийся от неожиданности Снитко переступил с ноги на ногу и заявил:

– Я ужин и боеприпасы привез. А до остального вам дела нет. У меня командир роты начальник.

– Стоять смирно. Я команды «вольно» не давал.

Краев знал, что во взводе бойцы его уважают, и не хотел терять авторитет, позволяя дурить выпившему старшине.

Сержант Коржак придвинулся поближе. Сделал вид, что отряхивает шинель старшины, и дернул его с такой силой, что Снитко едва удержался на ногах, черпанув синими офицерскими бриджами жидкую грязь.

– Осторожнее, товарищ старшина, – удержал его от падения Коржак. – Брючки у вас командирские, а заляпаны грязью. Пить поменьше надо. Товарищ Краев расхлябанности не терпит.

– Чего руки распускаешь? – начал было Снитко. – Я старше тебя по званию и... вообще. Знаешь, что бывает за нарушение устава?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.